DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-49-68

М. В. Рейли (Санкт-Петербург)

Бабушка-задворенка русской волшебной сказки

M. V. Reily (Saint-Petersburg)

Backyard Grandmother of a Russian Fairytale

Аннотация

Данная статья посвящена образу бабушки-задворенки и ее аналогов в русской волшебной сказке и отличию этого персонажа от Яги-помощницы. На основании анализа текстов сделан вывод о том, что бабушка-задворенка является самостоятельным персонажем, обладающим своим определенным местом в сюжете, уникальным набором атрибутов и функций, вопреки положению В. Я. Проппа о том, что она представляет собой просто одну из ипостасей Яги-помощницы.

Ключевые слова: *бабушка-задворенка, Баба-яга, волшебная сказка*

Abstract

This article is devoted to the image of the backyard-grandmother and her analogues in Russian fairytales, as well as the differences between this character and Yaga-helper. Based on the analysis of the texts, it is concluded that the backyard-grandmother is an independent character with a specific place in the plot, a unique set of attributes and functions, contrary to V. Ya. Propp's idea that she is just one of the hypostases of the Yaga as a magic helper.

Keywords*: backyard-grandmother, Baba-Yaga, fairytale*

В русской волшебной сказке есть персонаж, которому в научной литературе персонального внимания почти не уделялось. Это бабушка-задворенка, о которой В. Я. Пропп говорил, что «типичная Яга» может быть названа «просто старушкой, бабушкой-задворенкой и т. д.»[1]. Под «типичной Ягой» подразумевалась одна из ипостасей

[1] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 52.

Яги-помощницы. Н. В. Новиков тоже упоминал лишь, что бабушка-задворенка в сказках восточных славян часто выполняет функции, аналогичные или близкие Бабе-яге[1].

Проанализировав методом сплошной выборки тексты из основных сборников севера и юга России, Урала и Сибири, мы обнаружили, что, наряду с бабушкой-задворенкой – прямым аналогом Бабы-яги, встречается и ряд ее ипостасей, выполняющих совершенно самостоятельную функцию и имеющие свое, персональное, место в сюжете. Это относится к бабушка-задворенке и ее ипостасям (баба-яга, старуха, старушка и др.), которая в ряде сюжетов выступает инициатором действия героя, провоцируя его на то, чтобы он отправился в путь, либо предлагая и оказывая герою свою помощь на начальном этапе его путешествия[2]. Иногда эту функцию выполняет старик или даже «трехглавый змей» и др. Именно они дают герою предварительный совет и необходимое в пути «снаряжение».

Бабушка-задворенка (и другие персонажи-«заместители») предстает в двух основных ипостасях. Первая – «оседлая», «пассивная», живущая в избушке «на краю города», т. е. на границе культурного, «своего», и «чужого» пространства. Вторая – «активная», которая сама «попадается» или «выскакивает» навстречу герою, когда он уже собрался в путь, но у него присутствует элемент «недостачи» необходимой для путешествия богатырской справы или знания адресата или направления, в котором ему надлежит двигаться.

Следует отметить, что «пассивный» вариант персонажа встречается только в севернорусских сказках и лишь один на Урале (*Олон.*: Крг., 6, 13, 18; Крн., 14; *Мурман.*: Балашов, 7, 59; *Арх.*: Крн., Лев. 2011: 2, 35; Крн., Лев. Дети 2011, 69; Нкф. Дети. 2011: 71; Сим., 11; Смр. 1: 5; *Уральск.*: Аф., 316)[3].

---

[1] *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 146.

[2] В случае отсутствия сведений о региональной принадлежности текста вместо сокращенного названия региона в тексте и сносках ставится (-). По сюжетам мы видим следующее распределение: СУС: **300 А**: *Олон.*: Крг., 13; **301**: *Арх.*: Аф., 128; *Олон.*: Крн., 14; **301 А:** *Уральск.*: Урал., с. 189–193; **302$_1$**: *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 15; **303**: *Самар.*: Садовников, 4; **306**: *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 13; **312 D**: *Мурман.*: Балашов, 7; *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 10; **313 А**: *Арх.*: Крн., Лев. 2011: 2; Крн., Лев. Дети 2011: 69; Нкф. Дети. 2011: 71; Сим., 11; *Мурман.*: Балашов, 59; *Олон.*: Крн., 1; **313 В**: *Арх.*: Смр. 1: 5; *Олон.*: Крн., 14, 17; Крг., 6, 18; ***313 Н**: *Олон.*: КС, 15; **329**: *Лен. обл.*: Бахтин, 53; **400$_1$**: *Вологод.*: ВС, 11; **402**: *Лен. обл.*: Бахтин, 72; *Саратов*: Аф., 269**;** *(-)*: **465 А**: *Арх.*: Крн., Лев. Дети 2011: 41; *Олон.*: Крг., 2; Крн., 53; *Уфим.*, Аф.: 313; *(-)*: Аф., 212, 213, 215; **550**: *Арх.*: Нкф., 98; **551**: *Арх.*: Крн., Лев. 2011: 35; *Олон.*: Крг., 10; *Тверь*: Аф., 176; ЛЗ, 5; **650 В***: *(-):* СП, 1; **884 *В**: *Уральск.*: Аф., 316 = 37 текстов.

[3] Тексты имеют следующую сюжетную приуроченность: **300 А**: *Олон.*: Крг., 13; *Олон.*: Крн., 14; **312 D**: *Мурман.*: Балашов, 7; **313 А**: *Арх.*: Крн., Лев. Дети 2011: 69; Крн., Лев. 2011:

Авторские именования этого персонажа довольно многообразны: бабушка-задворе(ё)нка (*Арх.*: Крн., Лев. 2011: 35; Крн., Лев. Дети 2011: 41, 69; Смр. 1: 5; *Мурман.*: Балашов, 7, 59; *Олон.*: Крн., 14, 17), ба(б)ушка (*Арх.*: Крн., Лев. 2011: 35; Сим., 11; Смр. 1: 5; *Мурман.*: Балашов, 59; *Олон.*: Крг., 6, 18; Крн., 14, 17; Крн., Лев. 2011: 2, 41), бабка (*Арх.*: Смр. 1: 5); бабушка-задворенка-ягинишна (*Уральск.*: Аф., 316), Баба Яга (*Арх.*: Нкф. Дети. 2011: 71), старуха (*Олон.*: Крг., 18), старушка (*Олон.*: Крн., Лев. 2011: 2, 35; Крг., 18), тетушка (*Мурман.*: Балашов, 59); колдунья (*Олон.*: Крг., 13).

Обращение героя там, где оно встречается, носит нейтрально бытовой характер: ба(б)ушка (*Арх.*: Крн., Лев. 2011: 35; Смр. 1: 5; *Олон.*: Крг., 13, Крн., 17), баба (*Арх.*: Сим., 11).

Как уже говорилось, живет бабушка-задворенка обычно на краю города в «избушке»: «Вышел он из города, прошол на самой край города, а там стоит избушка» (*Олон.*: Крг., 13; ср.: *Олон.*: Крн., 14: в «своем городе» и др.). Описание ее жилища встретилось нам только в одном тексте: «Стоит лочужка земелькой по́крыта, скалами состроена» (*Олон.*: Крн., 14).

Бабушка-задворенка здесь традиционно дает начальные наставления о пути герою, сопровождая свои рекомендации дарами. При этом герой приходит к ней *сам*, по своей воле, признавая ее превосходство «знающей», спрашивая совета.

В качестве «активного» варианта персонажа-инициатора пути героя[4] встречаются как *бабушка-задворенка* (Урал. С. 189–193) и ее аналоги – *баба-яга* (*(-)*: Аф., 212); *баушка* (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 15), *старуха* (*Лен. обл.*: Бахтин, 53; *Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 10, 15; *(-)*: СП, 1; ЛЗ, 5), *старая старуха* (*Уфим.*: Аф., 313), *старуха заплатано брюхо* (*Уфим.*: Аф., 313), *старуха, толстое ея брюхо* (*Самар.*: Садовников, 4–303), *старушка* (*Олон.*: Крн., 1; *Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 10, 13), *старушонка* (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 15), «*старая пузырница*» (*Уфим.*: Аф., 313), так и другие персонажи, представляющие собой ее функциональную замену – *странник* (*Лен. обл.*: Бахтин, 72), *старый старичок* (*Саратов.*: Аф., 269), *змей о трех головах* (*Арх.*: Аф., 128), *Серый волк* (*Арх.*: Нкф., 98), *мёртвое туловище* (*Вологод.*: ВС, 11) и др.

2; Нкф. Дети. 2011: 71; Сим., 11; *Мурман.*: Балашов, 59; **313 В**: *Арх.*: Смр. 1: 5; *Олон.*: Крг., 6, 18; **425 А**: *Мурман.*: Балашов, 59; **533****: *Олон.*: Крн., 17; *(-)*: **650 В***: СП, 1; **884 *В**: *Уральск.*: Аф., 316 = 13 текстов.

[4] *Арх.*: Аф., 128; Нкф., 98; *Вологод.*: ВС, 11; *Лен. обл.*: Бахтин, 53, 72; *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 10, 13, 15; *Олон.*: Крн., 1; *Самар.*: Садовников, 4; *Саратов.*: Аф., 269; *Уральск.*: Урал. С. 189–193; *Уфим.*, Аф.: 313; *(-)*: Аф., 212, 213; ЛЗ, 5; СП, 1 = 17 текстов. Из них 5 – функциональная замена.

Эти персонажи, во-первых, «бездомны» в том смысле, что о наличии у них жилища в тексте не упоминается ни прямо, ни косвенно, во-вторых, *встречаются* герою уже в пути по собственной инициативе. Бабушка-задворенка (или вещие старухи и др. аналоги) представляет собой здесь иной, активный тип этого персонажа, испытывающий готовность героя к действию и наставляющий его. Герой может обращаться к ней как вежливо, соответственно ее социально-возрастному статусу – *ба(б)ушка* (*Лен. обл.*: Бахтин, 53; *Олон.*: Крн., 1; *Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 10, 13, 15; *Самар.*: Садовников, 4–303; *(-)*: Аф., 212; СП, 1; ЛЗ, 5), *баушка-сударыня* (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 15), так и пренебрежительно и нарочито грубо, чего не встречаем в предыдущем типе: *старушонка* (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 15), *старуха* (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 15), *старая ка(о)рга* (*Олон.*: Крн., 1; *(-)*: СП, 1), *старая ведьма* (*Лен. обл.*: Бахтин, 53)[5].

Этот тип бабушки-задворенки характерен для олонецких и сибирских текстов, к которым примыкают один текст из Ленинградской области и два из южных регионов России (Саратовской и Самарской губерний). Кроме того, мы используем четыре встреченных нами текста, у которых отсутствует региональная приуроченность (Аф., 212, 213; СП, 1; ЛЗ, 5). В большинстве этих текстов встреча героя с советчицей происходит по ее инициативе и проходит исключительно миролюбиво.

Посмотрим, как обе ипостаси бабушки-задворенки и ее функциональных аналогов проявляются в разных сюжетах, и проследим, в чем состоит их специфика, в том числе в зависимости от сюжета.

Максимальное количество текстов, где встречается образ «пассивной» бабушки-задворенки (иногда номинально это Баба-яга), относится к сюжету СУС **313 A, B, C, H*** (*«Чудесное бегство»* и *«Бегство от ведьмы»*).

В этом сюжете она информирует героя о необходимости отправиться в путь, находясь «в сердцах», после того, как он разбивает у нее окно. От нее герою становится известно о том, что он «отсулен» отцом (черту, водяному, «Царю морскому, страху людскому», лешему, волшебному королю, «мастеру») и должен выполнить его обещание: «...тот робеноцек... и остре́лил он у бабушки-задворенки окосецко. Да стекло и разбил. А она и говорит: “Ах, ты, цертяный посуленыш!” Он как услыхал, так и пошел»

---

[5] Тексты с ее участием распределяются по сюжетам следующим образом: **301**: *Арх.*: Аф., 128; **302$_1$**: *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 15; **303**: *Самар.*: Садовников, 4; **306**: *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 13; **312 D**: *Енисей.*: Пот. 1, вып. 2: 10; *Олон.*: Крн., 1; *Уфим.*: Аф., 313; **329**: *Лен. обл.*: Бахтин, 53; **400$_1$**: *Вологод.*: ВС, 11; **402**: *Лен. обл.*: Бахтин, 72; **465 A**: *(-)*: Аф., 212, 213; **550**: *Арх.*: Нкф., 98; **551**: *(-):* ЛЗ, 5; **650 B***: *(-):* СП, 1; **884 *B**: *Уральск.*: Урал.: С. 189–193.

(*Арх.*: Крн., Лев. Дети 2011: 69; ср.: *Арх.*: Сим., 11; Крн., Лев. 2011: 2; Нкф. Дети. 2011: 71; *Олон.*: Крг., 6, 18).

В ряде текстов после того, как старуха отправляет мальчика в путь («Уходи, воденному одданный!»), следует продолжение, где она выступает в роли мудрой советчицы-дарительницы: «Заходит к этой старушке, у которой разбил стекло. Ну вот, и спрашивает: “Ну, бабушка, куда мне идти?”» Бабушка дает ему совет добыть себе в жены деву-птицу, одну из двенадцати лебедушек, и путеводный клубочек (*Арх.*: Крн., Лев. 2011: 2).

Исчерпывающие рекомендации и волшебные дары получает герой в двух сказках М. М. Коргуева после того, как приносит старушке свои извинения, оплачивает разбитые им окна и просит рассказать ему подробнее о том, кому он был отсулен. Родители не хотят отвечать на этот вопрос, убеждая сына, что старуха наговорила ему со зла («А эта старушка знала колдовать...»). Но он настаивает на своем и вновь обращается к старушке: «Вот, баушка, прости меня, што я окна розбил, уж по глупости, а я вспомнил, што тебе надо деньги заплатить и принёс. А ты мне скажи, как отець меня мастеру посулил, хочу узнать, а отець стоит, не сказыват». На что бабушка отвечает: «Хорошо, што пришол ко мне, так я уж научу, как убежать вам отсюда». Она преподносит герою волшебные дары и учит ими пользоваться: «Вот, Иванушко, я даю тебе *пло́точку, кремешо́к и жолеточку* и росскажу, как има́ дествовать. <...> ...Брось *плоточку* и скажи: “Станьте ле́сы тёмные от земли и до не́бу, от востока и до западу, чтобы этому злодею ни пройти, ни проехать”. Станет лес дремучий. <...> ...Брось *кремешок* и скажи: “Станьте, го́ры тёмные, от земли до не́бу, от востоку до западу”. Вы ста́нете за горами, и он опеть будет вас достигать, а в эту пору вы придёте к речке. И скинь эту *жолеточку* со себя, махни́ по́ ветру и образуетце лодочка, и вы приедете в речку. <...> А через эту речку он не попадёт... а не смеет он перейти» (*Олон.*: Крг., 18).

Схожие мотивы встречаем в другой сказке Коргуева: «...раз выстрелил и попал в окно одной баушки. Она вышла и говорит: “Иш ты какой, Иван чаревич, у меня окна стал бить! Но погоди, отець тебя посулил одному волшебному королю”». Далее отец сам посылает сына оплатить бабушке разбитые окна и узнать, как лучше пройти к королю. Тот идет, просит у нее прощения и просит сказать правду: «”И скажи мне правду, што батюшка посулил меня или нет”. – “Да, Иван чаревич, ма́лый ты, а тебе надо раньше идти, как король придёт за тобой. А уж я тебя научу, как тебе попадать”». Далее бабушка проявляет себя как чародейка, приносит ёму воды в чашке: «Когда он выпил эту воду, то сделалсе красавцём, бравым

парнём, как будто взрослой человек». Далее она указывает герою путь и дает ему подробную инструкцию, как действовать дальше, как добыть себе в жены деву-птицу, которая «всех хитрее и знает всё волшебство, так што перехи́трит своёго батюшка» (*Олон.*: Крг., 6 – **313 B, C**).

Сам по себе мотив разбитого окна встречается довольно часто[6]. Ведь окна – глаза дома (разбитое окно – слепота), считались путем в иной мир (вывешивание полотенец в окно для облегчения дороги умершим предкам в поминальные дни и др.), мир, дорогу в который открывает и Баба-яга, и бабушка-задворенка, каждая по-своему, обеспечивая проницаемость границ[7]. Не случайно в одном из текстов разбито не только окно, но и выбит глаз у Бабы-яги: «Идет и стре́лил он. И попало у Бабы-то Яги: раму прострелил и ей глаз выстрелил. А та, Баба-то Яга, и закричяла: “Ты ведь отсулён, почто нейдешь?”» (*Арх.*: Нкф. Дети. 2011: 71). Здесь, скорее, «типичная» *бабушка-задворенка* названа Ягой.

«Типичной Ягой», по В. Я. Проппу, можно назвать, вероятно, только те случаи, когда мы встречаем трех сестер с номинацией «бабушка-задворенка», но выполняющих обычную функцию Яги-помощницы с большей частью ее атрибутики: «*Идет он путем-дорогой, близко ли, далёко, низко ли, высоко*... доходит до *бабушки-задворёнки*. Заходит в фатерку, Богу помолился, на все четыре стороны поклонился, бабке в особинку. Бабушка и спрашиват: “Далечо ли, доброхот, пошел?” – “Да я и сам не знаю, далечо ли”. – “Ой, доброхот, ты пошел к царю Ироду. Давно он бегат, тебя ишшат”. Бабушка *напоила, накормила и спать уложила*. Он и говорит ей: “Бабушка! Не знаешь чего-нибудь мне помогчи?” – “Нет, доброхот, я ничего не знаю, я далёко от него живу”. <...> ...Доходит опять до бабушки-задворёнки. <...> “Бабушка! Не можешь ли мне помочь чего-нибудь?” – “Хорошо, друг мой, может быть, чем-нибудь и помогу тебе”» (*Арх.*: Смр. 1: 5 – **313 B**) и т. д.

В этом же типе сюжета встречается мотив противоборства и противопоставления бабушки-задворенки и Яги как таковой, но здесь дело происходит уже в подземном царстве: «А Иван-царевиць подземельными ходами вышел на белый свет и пошел, куды голова понесе. Вот он иде и видит: стоит избушка. <...> А там в избушке *бабушка-задворенка* живе.

---

[6] Например, в одном из текстов на сюжет **312 D** также встречается мотив разбитого окна, но здесь речь идет уже о пропавшей сестре: «Старшой выстрелил *бабушке-задворенке* в окно, она его ругать: “Такой ты, эдакой, а еще царской сын! У тебя сестру-то унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, и ты туды хочешь попасть?”». Просит у родителей благословения на поиски сестры (*Мурман.*: Балашов, 7).

[7] *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 135.

Бабушка накормила да напоила его, да спрашиват: “Куды, дитетко, идешь? Куды попадашь?” – “Да вот, бабушка, иду домой. Могу ли-нет попасть?” – “А вот, дитетко, пойдешь мимо одного места – там Яицьна-Бабицьна живе; она всих ест, дак уж тебя съест” (учит, как себя вести, чтоб не съела). Вот, дитетко, я еще тебе дам щётку, гребень и зеркало. Как она след тебе погонитсе – ты это все бросай”. Когда Яга гонится за героем, он бросает гребень – «сделался лес такой высокой, што птицы не перелететь да зверю не перейти»; бросает щётку – «сделалась гора превысока-высока»; бросает зеркало – «сделалась огненна река». После избавления от Яги Иван возвращается в свой город и снова идет к бабушке, к которой его утраченная жена заходит каждый день. Бабушка прячет Ивана «в шкап», трижды спрашивает Марью, где находится ее тоска. На третий раз та говорит правду: «О-хо-хо, бабушка, моя тоска далеко в озере. В озере камень, в камне – сундук. В сундуке – утка, в утке – яйцё, в яице – моя тоска». Иван добывает яйцо, бабушка «наварила рыбу и сделала с яица яисьницю». Уговаривает Марью-царевну съесть яичницу: «Как съела яисьницю – у ей тоска и сошлась. Она и говорит: “Ой, бабушка, кабы Иван-царевиць здесь был”» (КС, 15 – **313 Н***); «И вот бабушка говорит: “...и бежите, сколько сил есть, столько и бежите. И приворотите ко мне”. <...> И добежали до этой бабушки-задворенки, и эта тетушка дала ей плоточку и говорит: “Как эта яга-баба станет доставать вас, так бросьте эту плоточку назад себя и скажите, что стань гора каменна, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы ягой-бабы ни пройти, ни проехать”. <...> Друга их напоила, накормила и дала им кремешок и говорит: “Станьте, леса темные, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы ягой-бабы ни пройти, на проехать”. <...> И третья им дала огнивце и сказала: “Если эта яга-баба станет вас доставать, так бросьте назад себя и скажите: “Разлейся, река огненна, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы ягой-бабы ни пройти, ни проехать”» (*Мурман.*: Балашов, 59 – **313 А**).

Лишь в одном тексте на этот сюжет бабушка-задворенка выступает как активно действующий по отношению к герою персонаж: «Ну, Ванюшка и пошел. Шел, шел, стрету старушка. “Куды, Иван-чаревичь, путь держишь?” А его зло берет, он и гаркни: “Куды хоцу – туды иду, а тебе не сказываю, старая корга”. И дальше пошел» (*Олон.*: Крн., 1 – **313 А**). А далее, как это происходит обычно с персонажами, которые пытаются навязать свою помощь герою, у последнего наступает отрезвление и раскаяние: «А сам он был доброй, прямо скажу – не шальной был парницок, ну и устыдилси. Назад повернул, старушку догнал: “Прости, бабушка, што я тебе огрубил, возьми выкуп сто рублей”. Она и говорит: “Отсулéнышь

ты, Ванюшка, иди ты прямой дорогою, выйдешь к озеру. Прилéтят двенадцать голуби́ц, а тринацатая куница, ты у ей шкурку забери, как купаця пойдет. Заберешь – тут тебе и щастьё, не заберешь – пропашша твоя голова". Он ей поклонилси и пошел прямой дорозецкой» (*Олон.*: Крн., 1 – **313 А**, ср.: *Арх.*: Крн., Лев. 2011: 2).

Таким образом, в данном типе сюжета встречаются как пассивная, так и активная ипостаси образа бабушки-задворенки, но пассивная очевидно преобладает. Основные мотивы и функции здесь: мотив разбитого окна; информирование героя о том, что он «отсулен», и о том, кому именно он отсулен. Кроме того, в этих текстах *бабушка-задворенка* не только направляет героя, но и активно помогает ему в брачных делах: совет по приобретению чудесной жены (девы-птицы или девы-куницы: и то, и другое – устойчивые образы свадебной обрядовой лирики); преподнесение волшебных даров, которые помогают спастись от преследования антагонистом герою с его избранницей (*плóточку* – «лес дремучий» (или «гора каменна, от земли и до неба, от востока и до запада»), *кремешóк* – «гóры тёмные, от земли до нéбу, от востоку до западу» (или «леса темные, от земли и до неба, от востока и до запада»), *жолеточку* – лодочка; *огнивце* «река огненна, от земли и до неба, от востока и до запада», *щётку* – «гора превысока-высока», гребень – «лес такой высокой, што птицы не перелететь да зверю не перейти», зеркало – «огненна река»).

В сюжетах СУС **300 А** («*Бой на калиновом мосту*») и **551** («*Молодильные яблоки*») постоянно встречается другой мотив – обретение с помощью бабушки-задворенки *богатырского коня и оружия*. Так, Сукин сын никак не может найти коня себе под стать, «потому што он был очень сильной». Он идет к *колдунье* (= бабушка-задворенка), которая, как выясняется, давно ждет его: «Вышел он из города, прошол на самой край города, а там стоит избушка. В этой избушки живёт одна колдунья. Он знал это. <...>: "Здраствуй, баушка". – "Ой, здраствуй, Сукин сын, ты што долго не шол, я уж давно бы тебя приняла. Проходи, да скажи, зацем ты пришол?" – "Слушай, баушка, не могу найти себе коня по умý, штобы которой мог меня нести...". – "Ну, уж ладно, Сукин сын, коли ты нуждаессе конём, покажу ёго тебе, буде можеш с йим справитьце. Я науцю, как ёго сдержать. <...> Когды выйдешь из избы и скрыци: "Сивко-бурко – вéшной воронкó, стань передо мной, как лист перед травой; как батюшку служил, как матушки служил, так и мне, Сукину сыну, послужи". Ну, и вот он на тебя налетит с такой силой, как вихорь. Но ты не бойсе. Ударь ёго по плецю и если уж он тебя не стопцет, то станет тебе служить"». Тот все делает, как учили. Лошадь прискакала. «Он ударил ей по плецю, она стала, как вкопана.

И лошадь заговорила цёловецьим языком: “Но, Сукин сын, уж буду я тебе служить верой и правдой, коли умел меня ты взять”. И вдруг выходит баушка к нему, приносит *седе̂лко, уздецьку, латы богатырски* и даёт *па́лицю* ёму» (*Олон.*: Крг., 13 – **300 А**; ср.: старшие братья встречают *старуху*, сидящую с протянутой рукой, которая просит дать ей «хлебца немножечко». «Обругали ее братья: “Ах ты *старая ведьма*! У нас у самих осталось мало”. И уехали братья. Подходит к старухе младший сын. Попросила старуха: “Дай мне, добрый молодец, хлеба немного”. Отвечает младший сын: “На, *бабушка*”. Съела старуха хлеб и сказала: “Зря ты к Змею Горынычу идешь. Чтобы победить его, нужен *меч волшебный, что у меня есть*. Ну уж ладно, я тебе его дам. Только Змея убьешь, меч мне обратно отдашь”» (*Лен. обл.*: Бахтин, 53 – **329** (*«Елена (Алена) Премудрая»*)); младший сын собирается ехать за молодильными яблоками для своего отца. Отец не хочет отпускать, жалеет: «...и коня от него увел в яму глубоку. Тот искал-искал и не мог коня найти. И пошел к *бабушке-задворенке*. “Бабушка, не знаешь ли, где мой конь?” – “Знаю”. Приступил он к ней. “Я скажу, да не достать тебе коня. В глубокой яме, в глубокой, за менной дверью”, – она сказала. <...> “А есть ли у тебя, баушка, отмычка?” – “Есть”. Она ему отдала отмычки, он отмыкнул и коня взял, и отцю не сказался, и поехал». Далее – путешествие за молодильными яблоками, которые охраняют девы-птицы, на пути к которым помогают три старушки (= яги). На обратном пути «птицы-девки, те ко бабушке прилетели и спрашивают: “Не видала ли, бабушка, проезжего парня?” – “Нет, нет, не видала”. Они поели у бабушки и попили чаю и отдыхать легли. Пять суток отдыхали. Проснулись и спрашивают: “Бабушка, долго ли отдыхали?” – “Нет, нет, недолго”. Птицы и полетели. Но Иван уже на свою Россию доехал» (*Арх.*: Крн., Лев., 2011: 35 – **551**); младший сын собирается, по просьбе отца, за живой и мертвой водой и моложавыми яблоками. Ни одна лошадь из царской конюшни ему не подходит. Отправляется «в чистое поле, в зеленые луга» поискать лошадь по себе в табунах: «...долго-долго шел, на пустом месте стоит изобка, а в изобке сидит старая старуха. <...> “Что, бабушка, не знаешь ли ты где табунов и нет ли в табунах хороших лошадей?” Ответ держит старуха: “На что же лучше – у твоего батюшки пятьсот лошадей!” – <...> “У моего отца нету по мне ни одной лошади”». Старуха посылает его на гору, где «валяется богатырь заместо собаки», и велит его похоронить: «Есть у богатыря конь за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; один меч у него четыре человека на носилках носят». Иван-царевич хоронит богатыря, и тот в благодарность дарит ему своего коня, который стоит «в казенном погребе

за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях», и меч, и латы свои и говорит:“ Если сможешь, владей на здоровье!”» (*Тверь*: Аф., 176 – **551**); «И когда шел он по улице с заплаканными глазами, попалась ему *навстречу* старуха и ему сказала: “Что ты ходишь кручинен? Скажи мне свою кручину, авось-либо я тебе помогу”. Игнатий-царевич ей молвил: “Как мне, бабушка, не кручиниться! Посылает меня батюшка за тридевять земель в тридесятое царство доставать яблоков моложавых, и я не могу себе найти доброго коня по мысли”. – “Ах ты гой еси, младой юноша Игнатий-царевич! – сказала старуха, – есть в чистом поле каменная гора, поди ты туда и увидишь в той горе дверь железную, и за той дверью будет еще одиннадцать дверей железных же, и все те двери заперты двенадцатью замками, и за теми дверьми есть конюшня, а в той конюшне стоит тридцать лет добрый конь, и на том коне ездил покойник дедушка твой, отбей те двери, то и коня получишь, а лучше того коня нигде тебе не сыскать”» (*(-)*: ЛЗ, 5 – **551**).

К этим текстам примыкает и сибирский вариант сюжета СУС **306**, где герой отправляется на поиски невесты и по пути дважды встречает старушку, которая дает ему нужную информацию: «...запечалился и пошел по славному городу Петербургу пройтись; идет себе из улочки в переулочек и *попадается* ему *навстречу* старушка, *остановила* его и говорит: “Да, Иван-царевич, я *знаю*, зачем вы ходите”. – “Да, бабушка, вот зачем я хожу, нужно мне невесту”». Старушка рассказывает ему, где он найдет свою суженую: «Идет по другой улочке, она *опять* ему *настречу* попадается, останавливает его и говорит: “*Знаю* я, зачем вы гуляете”. – “Да, бабушка, мне нужно богатырского коня. Где бы подыскать?” – “Иван-царевич, в вашем прекрасном саду есть конь хороший; он в подвале стоит, за двенадцатью дверями, на двенадцати цепях, запертый вашим прадедом тридцать тысяч лет назад”» (+ мотив «в одно ухо влезаешь...») (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 13 – **306**).

Мотив *добычи богатырского коня* встречается также в сюжетах СУС **302$_1$** («*Смерть Кащея в яйце*» и **650 B*** («*Иван медвежье ушко*»), где встреча бабушки-задворенки («активного» типа) с героем происходит драматично и проходит неоднозначно. Герой, достигший брачного возраста, пребывает в поисках невесты. Первая реакция героя на встречу – резко отрицательная и, прямо скажем, хамоватая, хотя сама старушка ведет себя исключительно доброжелательно: «Попадает ему навстречу баушка и спрашивает: “Здравствуй, Иван-царевич! куды Бог понес?” А он на нее закричал: “Уйди ты, старушонка! Вот я тебя пну под дыру, так улетишь под гору. Тресну в висок, посыпется из ж... песок”» (*Енисей*: Пот. 1,

вып. 2: 15 – **302$_1$**; ср.: *Олон.*: Крг., 2 –**465 А** («*Красавица-жена*» («*Пойди туда, не знаю куда*»); «Еруслан-царевич призадумался, что не нашел по себе богатырского коня. Ходит он печален по городу, попалась ему *навстречу* старуха, которая его спросила: “Что ты, Еруслан-царевич, ходишь так кручинен и не весел, поведай мне свою кручину – авось ли я горю твоему пособлю”. – “Поди прочь, старая карга, – ответствует ей Еруслан-царевич, – тебе ли пособить! Вас, старух, взять только на то, чтоб врать”». На что старушка резонно и по-житейски мудро возражает: «“Ах, Еруслан-царевич, не брезгуй старухами! Они, век изживши, много узнали, видали и слыхали. Так и я могу тебе помочь”» (*(-)*: СП, 1 – **650 В***).

Но через какое-то время герой осознает свою неправоту и уже сам обращается к бабушке за помощью. Та мгновенно откликается и дает ему наставления: «Старушонка была не сердита, забегает опять вперед (трижды). Подумал Иван-царевич: ”Что это я с ней не поговорю! <...> Ведь недаром старуха все вперед забегает”. “Здравствуй, здравствуй, баушка! Не знаешь ли ты, баушка-сударыня, про Русу-Русу, черну косу...” – “Ах ты, Иван-царевич! Ты бы давно у меня спросил. Ты воротись домой и зайди в конюшню. Среди конюшни стоит чугунный столп, под этим столбом лежит плита, под этой плитой стоит конь за двенадцатью дверьми, за двенадцатью замками и на двенадцати цепях. Ты возьми его да с ним уж и доставай свою невесту”» (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 15 – **302$_1$**); «”Вот, бабушка, о чем я печалюсь, что отпросился я у своего батюшки и матушки в чистое поле погулять, людей посмотреть и себя показать, а не мог я выбрать себе добра коня”. – “Ей, Еруслан-царевич! Давно бы ты о том мне рассказал. Есть за городом при речке роща, в той роще под красною сосною среди одной лощины есть погреб, закрытый большою железною дверью, и в том погребе стоит богатырский конь покойного твоего прадедушки Садора Измаиловича, прикован на двенадцати цепях; этот-то конь разве тебе послужит”. Еруслан-царевич поблагодарил старуху и пошел. <...> Берет он коня богатырского, который говорит ему человеческим голосом: «Ох ты, гой еси, Еруслан-царевич, не видал я свету белого пятьдесят лет, и не топтать бы мне росы век по веки, как бы не попалась тебе старуха”» (*(-)*: СП, 1 – **650 В***).

В этой группе сюжетов *бабушка-задворенка,* по большей части, проявляет себя как активный персонаж, «напрашиваясь» на контакт с героем, невзирая на его грубость. Она помогает герою обрести богатырского коня, который спрятан в погребе или под землей и прикован множеством цепей. Обращает на себя внимание то, что этот конь (который спрятан от тридцати до тридцати тысяч лет назад) принадлежит предку героя по мужской

линии (обычно деду или прадеду), которого старушка хорошо знает, что говорит и о ее весьма преклонном возрасте. Кроме того, она сама хранит и дает герою богатырскую справу: «*седёлко, уздецьку, латы богатырски* и *па́лицю*».

Здесь также делается акцент на том, что именно старые люди обладают даром видения и предвидения и являются носителями житейской мудрости и сакральных знаний: «...не брезгуй старухами! Они, век изживши, много узнали, видали и слыхали. Так и я могу тебе помочь»; «Ох ты, гой еси, Еруслан-царевич, не видал я свету белого пятьдесят лет, и не топтать бы мне росы век по веки, как бы не попалась тебе старуха» и др.

Здесь же мы сталкиваемся с неоднозначным отношением героя к старухе-советчице. С одной стороны, уважение и почтительность, с другой – грубость, доходящая до хамства. И, видимо, это тоже не случайно. Возможно, такое двоякое отношение героя к встреченной старухе определяется представлениями о «встречниках»: «Встречный, или стрешный, упоминается в заговорах и обычно имеет в них более конкретный, нередко человеческий вид (встречный человек), но он также источник опасной, не вполне понятной силы (иногда это сама «встречная сила»)»[8]. По другим, более бытовым, поверьям, «особенно опасной считалась встреча со старой женщиной»[9].

В одном из текстов на сюжет СУС **301 A, B** (*«Три подземных царства»*) бабушка-задворенка оказывается «сестрой родной» Бабе-яге, к которой его и отсылает, снабдив напутствиями и даром – «скатереточкой»: «...идет Иван-царевич по своему городу, к бабушке-задворенке. Она ему расскажет, путь-дорогу покажет. <...> Говорит ему бабушка: “Скуй, дитятко, три шляпы железны, три обутки железны, три клюки железны. Да возьми, дитятко, от меня скатерёточку. Иди, дитятко, по правой тропке в леву сторону”» (*Олон.*: Крн., 14 – **301**); ср.: сюжет **312 D** («Катигорошек»): «Не откуль взялась старуха. И спросил царевич старушку: “Бабушка, не видала ли здесь такую девушку?” – “Если хотишь, так я тебе скажу, где она”. – “Хочу, хочу, бабушка! Скажи, пожалуйста”. – “Твоя сестра за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве”. – “Как же, бабушка, до нее добраться?” – “Ступай в темный лес, попадет тебе тропинка, и иди по ней; попадет тебе избушка на куричьих ножках. Там сестра моя живет, и скажи ей, что меня сестра твоя послала из волшебнаво лесу”» (*Енисей*: Пот. 1, вып. 2: 10). Здесь сестрой также оказывается Баба-яга.

---

[8] *Власова М. Н.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. С. 116.

[9] *СД.* Т. 1: А—Г. М., 1995. С. 453.

В качестве свахи выступает старуха в сюжете СУС **303** (*«Два брата»*): «...идет же Василий-царевич путем-дорогой, по широкой улице, повстречается ему *старуха, толстое ея брюхо*, и говорит Василью-царевичу: “А вот я тебе, Василий-царевич, невесту нашла!” А он ей и говорит: “Где же ты, баушка, нашла?” – “А вот у этого генерала дочь, вам нужно ее замуж взять”» (*Самар.*: Садовников, 4 – **303**).

Не очень разумный совет дает бабушка-задворенка в тексте на сюжет СУС **425 А** (*«Амур и Психея»*), где она изначально играет роль не самой мудрой советчицы, но потом помогает героине исправить ошибку: «Легла она спать, а ночью пробудилась – мужик у ей на месте, и не смела пошевелиться, и ночь проспала, и утром смотрит: и нет никого. И пошла днем к бабушке-задворенке спрашивать: “Что это вот беда за такая?” <...> А бабушка-задворенка и говорит, что если придет сегодня, повалится спать, так достань ого́ничка, погляди, есть ли крест на во́роти, а если нет – так какой нечистый ходит». На другую ночь она «стала огня доставать, плоточкой да кремешком бить, и отскочила искорка, и у него на голове сгорели три волосины: одна золота, друга серебряна, третья медна. Он пробудился и говорит: “Ну, Марфа – крестьянская дочь, не умела со мной последнюю ночь проспать, не видать больше мне тебя, а тебе меня!” И ушел. Она днем пошла к бабушке, сходила» и рассказала, что произошло. «И пошла она в кузню и сковала трое лаптей железных, три посоха железных, три шляпы железны, три просворы железны, оделась, одну просвору в зубы взяла и пошла» (*Мурман.*: Балашов, 59).

В одном из текстов бабушка-задворенка является самим олицетворением судьбы. Так, у купца с купчихой одна дочь. «Она все ходит к бабушке-задворенке. И все баушка говорит: “Ох-ох-ох, мое горюшко, мое лютое!”–“Баушка, што это за горюшко?” – “Наноси мне крупки-мучки, да чайку-кофейку, я тебе и покажу, какое это горе”. Она молча от отца и от матери наносила всего, что та велела. Баушка и говорит: “Теперь возьми бурачок и пойдем в лес”. И пошли оны в дремучий лес. Бабушка и говорит: “Нюша, набери здесь ягод, а я сейчас приду”. И ушла, а ей оставила в этом дремучем лесу. Она брала-брала, ждала-ждала баушку. А та уж ушла домой, так не придет. И давай она кричать: “Баушка!” Кричала-кричала, а бабки не слуху, не духу. Вот она шла-шла, блудила-блудила, да и ко дворцу пришла. А над воротами видит толстая-претолстая книга положена. И на этой книги написано: “Кто эту книгу в три года прочитает, тот не умрет и всех во дворце разбудит. Если красна девушка, будет Ивану-царевичу невестой, если молодуха – сестрой, стар человек – отцом”. Она и давай читать, а во дворце все спят забуду́щим

сном». Становится женой царевича (*Олон.*: Крн., 17 – **533****(«Царевна и служанка»)).

В роли не очень мудрой советчицы выступает бабушка-задворенка в одном тексте на сюжет СУС **884B*** («Василиса Поповна»). Следуя ее советам, царю так и не удается выяснить, женщина перед ним или мужчина: «А между тем сам <царь Ба́рхат> пошел к *бабушке-задворенке-ягинишн*е и давай ее выпытывать, как бы узнать, что Василий Васильевич точно девушка. Бабушка-задворенка-ягинишна и говорит ему: “Ты по праву-то руку в палате своей повесь пяла, а по леву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то, когда взойдет в палату, прежде всего, хватится за пяла, а если Василий Васильевич, то за оружия”. Царь Бархат послушался бабушку-задворенку-ягинишну». Далее царь безуспешно пытается доискаться до истины (известный по былине о Ставре Годиновиче и его жене Настасье Микулишне эпический ход – травестизм: женщина переодевается в юношу и успешно избегает всех попыток разоблачения) (*Уральск.*: Аф., 316).

В большинстве случаев в сюжете **465 A** («*Красавица-жена*» («*Пойди туда, не знаю куда*»)) также встречается Баба-яга (старуха и др.), активно стремящаяся к общению, которая дает советы антагонисту героя – вельможе, генералу и т. п., помогая ему придумать для стрельца невыполнимую задачу, сама являясь при этом антагонистом волшебной жены героя, как бы вступая с ней в состязание: «Идет он пустырями и закоулками, а *навстречу* ему *баба-яга*: “Стой, королевский слуга! *Я все твои думки ведаю*; хочешь пособлю твоему горю неминучему?” – “Пособи, бабушка! Что хочешь заплачу”. – “Сказан тебе королевский указ, чтобы извел ты Федота-стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаем такую загадку, что не скоро справится”» (*(-)*: Аф., 212 – **465 A**); «Идет он по лесу, грусной, печальной и ничё не может придумать». Навстречу ему *старушка*: «”Што, мужицёк, задумалсе?” А он отвечает ей сгрубá: “Што тебе от меня нужно?”» (*Олон.*: Крг., 2 – **465 A**). «Попрошел немного, обдумалсе: “А вот што, надо, пожалуй, спросить стару́шку может, она што знает. Прости, баушка, дерзкоё слово, может, ты знаеш, што я думаю”. <...> “Вот што, ми́лой, вперёд бы ты та́к: старых людей не избегай”». Предлагает послать Ондрея на погибель за овечкой – золотой головкой, свинкой – золотой щетинкой, принести «то́, не знай што́» (*Олон.*: Крг., 2 – **465 A**). Яга в этом сюжете *знает* о существовании оленя – золотые рога и Шмат-разума, *знает* о «хитрости» жены Федота и о неизбежной гибели корабля, на котором тот поплывет. Целью «антигероя» является, выполняя королевскую волю, *извести* Федота-стрельца

(*(-):* Аф., 212 – **465 А**). Схожий вариант, где царь хочет владеть женой солдата Андрея и требует у министра извести его в три дня: «Ничего министр сам не придумал и пошел к колдунье». Отправляют солдата «на море-океан, на остров Буян, искать овечку с золотой головкой». Снова разыскали колдунью: «”Как же быть, бабушка?” – “Ну, давайте жену его омманем, пошлите его искать – не зверь, не калека, не похож на человека”» (*Олон.*: Крн., 53 – **465 А**); «царский воевода, пошел к *старой колдунье* и говорит ей: “Послушай, бабка! Научи, как бы извести мне купеческого сына <...>”. – “Ну что ж! пособить этому делу можно: ступай к самому царю и оговори перед ним Бездольного: так и так, дескать, обещается он сходить в город Ничто, принести неведомо что”» (*(-)*: Аф.: 215 – **465 А**); *кабацкая теребень*: царь требует у своих бояр достать ему такую же красавицу, как у стрельца. Те идут с горя в кабак: «Подбежал к ним *кабацкая теребень* в худом кафтанишке и спрашивает: “О чем, господа, пригорюнились?” – “Поди прочь, оборвыш!” – “Нет, вы меня не гоните, лучше рюмку винца поднесите; я вас на ум наведу”» (*(-)*: Аф., 213 – **465 А**).

В одном тексте *старая старуха*, «*старуха заплатано брюхо*», «*старая пузырница*» помогает советом сначала герою, а потом его антагонисту (*Уфим.*: Аф., 313 – **465 А**).

Таким образом, в данном сюжете возникает мотив столкновения интересов и противостояния «помощников» разных персонажей в рамках одного сюжета. Старушка (= бабушка-задворенка, баба-яга, старая колдунья, кабацкая теребень и др.) выступает здесь как злая, к тому же ложная советчица, способствующая попыткам уничтожения главного героя, не приводящим к успеху.

В совершенно разных сюжетах встреча с задворенкой пассивного типа происходит в подземном царстве: «Шел, шел Иван, до деревни дошел, в крайнюю избу зашел, там бабушка-задворенка жила». Попросился ночевать (напр., *Урал.*: С. 189–193 – **301 А**); царь хочет жениться на красавице с портрета. «Хитрый мудрец» берется выполнить задание. «Дошел до города, где красавица живет. Пришел к *бабушке-задворенке* и спрашивает: “Есь ли у вас така красавица?” А *бабушка* и говорит: “Она в темной повозочке ездит, ее никто не видал”» (*Арх.*: Крн., Лев. 2011: 41 – **465 А**); старшие братья, позарившись на волшебные предметы, добытые младшим, сталкивают его в пропасть. «Вот спокойно спустилсе на землю и пошол уж он топерь по тому свету, котороё было подземноё государьство. Приходит он в государьство на край города и проситце к одной старушке обжи́ть, и старушка ёго спустила. “Кто ты есть и откуда?” – “Баушка, я есть выходець с того свету”». Царевну должны отдать на съедение змею. Иван

говорит, что он мог бы убить змея и посылает бабушку к царю. Она бежит к царю: «Вот ваше величество, ко мне пришол цёловек, вы́ходець с того свету, он у меня на кварте́ры живёт, и сказал: “Ну, уж пришлось бы мне поехать, я бы убил этого зме́я”» (*Олон.*: Крг., 10 – **551**); ср.: поплакал и пошел вперед; шел да шел, и увидел: сидит на пне *старик – сам с четверть, а борода с локоть* – и рассказал ему все, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше: «Дойдешь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь» (*Арх.*: Аф., 128 – **301 А, В**).

Не считая того, что живет на задворках в подземном царстве, во всем остальном она ведет себя по бытовому буднично и не обладает никакими чудесными свойствами или предметами. Подобный вариант встречается во множестве сюжетов и специально нами не рассматривается.

В сюжете СУС **402** (*«Царевна-лягушка»*) герою уже в пути, когда требуется некая его корректировка, встречаются *старичок* или *странник* – аналоги активного типа бабушки-задворенки или вещей старухи, испытывающих готовность героя к действию. Именно он дают герою первый совет и необходимое в пути «снаряжение»: «Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – попадается ему *настречу старый старичок*: “Здравствуй, добрый мо́лодец! Чего ищешь, куда путь держишь?” Царевич рассказал ему свое несчастье. “Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе *клубок*; куда он покатится – ступай за ним смело”» (*Саратов*: Аф., 269 – **402**); «Шел ли он долго ли, коротко ли – встретил одного *странника*. Странник его спросил: “Куда направился, Иван-царевич?” – “Искать лягушку-царевну у Кощей бессмертной”. – “Не печалься!” Дал ему *клубок* и сказал: “Куда клубок покатится, туда и иди!”» Клубок приводит героя к *Бабе-яге Костяной ноге* (*Лен. обл.*: Бахтин, 72 – **402**)[10].

[10] Схожую функцию выполняет *змей о трех головах* в сюжете СУС **301**, испытывающий героя на его способность к действию: «И Ивашко тоже шел да шел и встретил *змея о трех головах*. Спросил его змей: “Куда направился, добрый человек?” – “Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту; а теперь мне черед выпал”. – “Пожалуй, пойдем, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?”» Змей приказывает «камень отворотить с места». «Ивашко хватил его, и камень как не бывал – с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ нее утверждены ремни. Вот змей и говорит: “Ивашко! Садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдешь и дойдешь до трех царств, а в каждом царстве увидишь по девице”» (*Арх.*: Аф., 128–301).

Характерно, что именно в этом типе сюжета происходит функциональная замена «активного» образа бабушки-задворенки мужским персонажем (старичком или странником), который дарит герою путеводный клубок, который приводит его к следующему помощнику (напр., к той же Бабе-яге).

Таким образом, в большинстве случаев бабушка-задворенка, как и Баба-яга, – персонаж неординарный. Она обладает даром предвидения (ожидает прихода героя, знает, кому он отсулен); подсказывает, где можно добыть чудесного богатырского коня (который, в свою очередь, *знает*, кто послал к нему богатыря) и как его приручить, знает его предыдущих владельцев; оснащает полным боевым вооружением («седе́лко», уздецька», «латы богатырски», «па́лица», «волшебный меч»), указывает путь, дает мудрые советы, учит, как добыть себе чудесную жену-помощницу (деву-птицу, деву-куницу), наделяет волшебными дарами («пло́точка», «кремешо́к», «жолеточка» и др.), инициирует героя, напоив водой силы, которая преображает его, превратив из мальчика во взрослого прекрасного юношу брачного возраста – мотив, напоминающий преображение при пролезании через ухо Сивки-бурки, и былинный мотив об исцелении Ильи Муромца, которому дают напиться проходящие странники. Кроме того, она очевидно хорошо знакома с теми персонажами, которым отсулен юноша в сюжете «Пойди туда, не знаю куда». Она одного с ними «поля ягода» и хорошо знает «правила игры».

Функционально ближе примыкает к Яге-помощнице бабушка-задворенка «пассивного», «осёдлого» типа. Здесь она зачастую и именуется бабой-ягой. Но существенное отличие состоит, во-первых, в том, что она находится в том же «людском» пространстве, хотя и на его границе, что и герой; во-вторых, практически полностью отсутствует атрибутика, присущая «классической» Яге (избушка на курьих ножках, классическое приветствие героя («Фу-фу-фу...»), характеризующее Ягу как жителя иного мира и др.); в-третьих, сам момент и повод встречи с героем.

Что касается бабушки-задворенки «активного» типа (и ее аналогов), то ее отличает от Яги-помощницы, во-первых, сама по себе инициатива, которую она проявляет при встрече с героем (либо антигероем, что отсутствует в сюжетах с Ягой); во-вторых, в отличие от Яги, она дает герою не своего коня, а сообщает ему о богатырском коне, спрятанном его предком по мужской линии; в-третьих, круг услуг, оказываемых герою / героине.

Таким образом, бабушка-задворенка является самостоятельным персонажем, обладающим своим определенным местом в сюжете, уникальным

набором атрибутов и функций, вопреки положению В. Я. Проппа о том, что она представляет собой просто одну из ипостасей Яги-**помощницы**.

Список источников текстов

Аф. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М., 1957 (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Т. 2. М., 1985).

Балашов – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.

Бахтин – Сказки Ленинградской области: серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки / Собр. и подгот. к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976.

ВС – Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц, Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.

Крг. – Сказки М. М. Коргуева / Зап., вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева; Предисл. М. К. Азадовского. Кн. 1. Петрозаводск, 1939.

Крн. – Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л., 1934.

Крн., Лев. 2011 – Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.

Крн., Лев. Дети 2011 – Дети-сказочники // Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011. С. 277–392.

КС – Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст., коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

ЛЗ – Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов XVIII века. СПб., 2001 (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 5).

Нкф. – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

Нкф. Дети. 2011 – Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.

Новиков, 1974 – Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 133–146, 159–180.

Пот. 1, вып. 2 – Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. 1, вып. 2 / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1906.

Садовников, 2003 – Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым; Изд. подгот. Е. А. Костюхин, Л. Г. Беликова. 2-е изд. СПб., 2003.

Сим. – Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975.

Смр. – Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1–2 (Записки Императорского Русского географического общества. Т. 44).

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. М., 1995 (Институт славяноведения и балканистики РАН).

СП – Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XIX века. СПб., 2003 (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 8).

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, К. А. Кабашников, Н. В. Новиков; Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979.

Урал. – Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштум. Свердловск, 1959.

Географические названия

Арх. – Архангельская губ.
Вологод. – Вологодская обл.
Енисей. – Енисейская губ.
Лен. обл. – Ленинградская обл.
Мурман. – Мурманская обл.
Олон. – Олонецкая губ.
Самар. – Самарская губ.
Сарат. – Саратовская губ.
Уральск. – Уральский регион

Литература

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995.

Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / Отв. ред. В. И. Еремина, Н. М. Герасимова. Л., 1986.

References

Azadovskii, M. K., ed. (1947). *Russkie skazki v Karelii. Starye zapisi*. Petrozavodsk.

Azadovskii, M. K., Nechaev, A. N., eds. (1939). *Skazki M. M. Korgueva*. Petrozavodsk, 1.

Baiburin, A. K. (1983). *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan*. Leningrad.

Balashov, D. M., ed. (1970). *Skazki Terskogo berega Belogo morya*. Leningrad.

Bakhtin, V. S., Shiryaeva, P. G., eds. (1976). *Skazki Leningradskoi oblasti: ser'eznye i neser'eznye, ozornye i ne ochen', baiki, narodnye anekdoty i pribautki*. Leningrad.

Barag, L. G., Kabashnikov, K. A., Novikov, N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka*. Leningrad.

Galkin, P., Kitainik, M., Kushtum, N., eds. (1959). *Russkie narodnye skazki Urala*. Sverdlovsk.

Karnaukhova, I. V., ed. (1934). *Skazki i predaniya Severnogo kraya*. Moscow.

Korepova, K. E., ed. (2001). *Lekarstvo ot zadumchivosti. Russkaya skazka v izdaniyakh 80 godov 18 veka*. Saint-Petersburg.

Korepova, K. E., ed. (2003). *Staraya Pogudka na novyi lad. Russkaya skazka v izdaniyakh kontsa XVIII veka*. Saint-Petersburg.

Kostyukhin, E. A., Belikova, L. G., eds. (2003). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya. Sobrany i zapisany D. N. Sadovnikovym*.

Mints, S. I., Savushkina, N. I., eds. (1955). *Skazki i pesni Vologodskoi oblasti*. Vologda.

Novikov, N. V. (1974). *Obrazy vostochnoslavyanskoi volshebnoi skazki*. Leningrad.

Potanin, G. N., ed. (1906). *Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochnosibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po etnografii*. Tomsk, 2.

Propp, V. Ya. (1986). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. Leningrad.

Propp, V. Ya., ed. (1957). *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva*. Moscow, 2.

Propp, V. Ya., ed. (1961). *Severnorusskie skazki v zapisyakh A. I. Nikiforova*. Moscow; Leningrad.

Simina, G. Ya., ed. (1975). *Pinezhskie skazki*. Arkhangel'sk.

Smirnov, A. M., ed. (1917). *Sbornik velikorusskikh skazok Arkhiva Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Petrograd, 1–2.

Tolstoi, N. I. ed. (1991–2012). *Slavyanskie Drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow, 1–5.

Vlasova, M. N. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueverii: Illyustrirovannyi slovar'*. Saint-Petersburg.

Vlasova, M. N., ed. (2011). *Neizdannye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 godov: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor*. Saint-Petersburg.